

ГОСПОДСТВО В СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОКРАТИЯХ: ПОДХОДЫ К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ, ИЗМЕРЕНИЮ, ОГРАНИЧЕНИЮ

И.Л. Недяк

Институт социологии РАН

Аннотация: В статье рассмотрены исходные посылки и исследовательская оптика концепций господства, в которых власть и политика современных демократий измеряются на шкале «господство – empowerment» и оцениваются с позиций их ориентированности на развитие субъектности, дискурсивного сознания, прав и возможностей членов политики. Анализируется исследовательский инструментарий концепций, его политфилософские и теоретические основания. Представлены данные панельных общероссийских обследований о степени и характере поражения социума властью в форме господства.

Ключевые слова: власть, господство, политика, свобода как не-господство, empowerment.

Нам «посчастливилось» жить в эпоху таких перемен, которые невольно пробуждают в памяти: «Всё рушится, основа расшаталась..., Мир захлестнули волны беззаконья; У добрых сила правоты иссякла, А злые будто бы остервенились» [Йейтс б/г].

Вчера ещё продуктивные исследовательские подходы и приёмы демонстрируют свою нечувствительность к выявлению сути перемен, плохо справляются с их адекватным описанием. Научная рефлексия получает мощный стимул. Общей чертой дискурсов социально-гуманитарных дисциплин можно назвать обращение к кроссдисциплинарной ревизии рефлексивных механизмов. Актуализируются понятия и концепты, уточняются и/или дополняются критерии обоснования исходных посылок etc. В тренде методологический бриколаж, «неприрученные» (К. Леви-Стросс) теории. К таковым имеет касательство ориентированный на межсубъектное взаимодействие научный дискурс господства – тема данной статьи.

Дискурс господства, ориентированный на межсубъектное взаимодействие: исходные посылки

Рассматриваемый дискурс господства стал «набирать обороты» с последней трети прошлого века. Его развитие стимулировали, с одной стороны, процессы расширения и углубления социальных отношений господства в обществах с разными режимами демократического правления; с другой – дефицит исследовательского инструментария для их изучения. Мы на-

звали этот дискурс господства – пока не найдя лучшего – ориентированный на межсубъектное взаимодействие (далее МСД или МС-дискурс). В нем власть и политику измеряют на шкале, один полюс которой – власть в форме господства, блокирующая у объекта воздействия его ресурсы и возможности выступать в качестве самостоятельного агента, делать осознанный и свободный выбор (*agency*). Противоположный полюс – эмансипаторная власть и политика, расширяющие права и полномочия объектов воздействия, *empowerment*¹.

К теоретическому костяку МС-дискурса мы относим работы, которые опираются на разные философские и теоретические основания: республиканскую философскую и политическую доктрину; концепции господства, разработанные с опорой на теории неороманского республиканизма и теории социального обмена; дискурс господства в системе координат многоликих концепций власти; кратологию критической социологии Франкфуртской школы; теории эмансипации и *empowerment*; феминистский дискурс господства [Структуры господства... 2020]. Перечень открыт, ибо интерес к изучению экспансии отношений господства в считающихся демократическими обществах растёт на различных аренах научного дискурса.

В МС-дискурсе нет некоего канонического определения господства. И это понятно. Любые случаи проявления власти и/или господства с неизбежностью приводят к введённому Людвигом Витгенштейном понятию семейного сходства: они имеют те или иные общие черты, но нет достаточно оснований для того, чтобы выделить одну из них как общую для всех определяющую характеристику. Власть и господство – оспариваемые по существу концепты, понятия зонтичные и необоримо оценочные. Их редукция к концептуальному единству попросту бессмысленна.

В МСД сложно найти положения, которые не порождают дискуссии. Но есть и «ось», вокруг которой вращается «тело» дискурса. Формирующие его работы в целом разделяют следующие предметные и методологические послышки:

1. Господство – нормативно-нежелательная форма власти, которую (вос)производят формально демократические институты и практики и которая размывает их примордиальные смыслы.

2. Власть в форме господства враждебна задачам и этосу эмансипации, становлению гражданина как субъекта политики. Она подавляет ориентированные на общее благо нормативно-ценностные, когнитивные, мотивационные и поведенческие установки участников социального взаимодействия – и *δῆμος*, и *κράτος*.

3. Отношения господства – это социальные отношения в веберовской трактовке последних. Если для определения своих действий человеку нет необходимости принимать во внимание возможные действия других лиц, тогда эти отношения не подпадают под определение «господство» при наличии всех остальных солидарно признаваемых признаков последнего: *несправедливые, нелегитимные, асимметричные, субъект-объектные отношения зависимости и подчинения с нулевой суммой, которые ущемляют базовые интересы объекта воздействия, отводят последнему роль инструмента для достижения своекорыстных целей власть предержащего*.

4. Господство – форма власти, которая встроена в структуры социального взаимодействия и (вос)производится ими. Это функция социальной системы. Но это отношения между людьми, а не между человеком и структурой.

¹ В русском языке нет термина, который соответствует английскому *empowerment*. Его либо переводят как расширение возможностей и наделение полномочиями, приобретение возможностей, обретение власти и т. д., либо прибегают к неблагозвучной транслитерации эмпауэрмент. Автор предпочитает использовать оригинальный английский термин.

5. Рабочими – подтвердившими свою аналитическую и эмпирическую ценность – являются в первую очередь те концепции, в которых господство определяют и анализируют как форму власти, основанную на структурных отношениях (*structure-based conceptions*). Концепции, которые разработаны «с прицелом» на изучение многообразия проявлений/результатов/последствий господства (*outcome-based conceptions*) имеют вспомогательную роль. Хотя, разумеется, значение метода *case-study* не принижается ни в коей мере.

6. Режимная методология (измерение власти в континууме «демократический режим с разными прилагательными ↔ в разной степени и формате недемократический режим») недостаточно восприимчива к выявлению причин (вос)производства демократическими институтами отношений господства. Режимная методология плохо приспособлена и к измерению характера отношений господства: как / в какой степени / в каких сферах / посредством каких ресурсов и т. д. формально демократические властные отношения перенаправлены от обеспечения правами и полномочиями участников социального взаимодействия к их социализации в подчиненных ролях, к лишению их возможностей и ресурсов субъектообразования.

7. Не-господство определяют как высшую политическую ценность, ему отводят статус общего блага. Не вызывает острых дискуссий утверждение, что *raison d'être* демократического режима состоит в обеспечении защиты от господства всех членов политики. С этих позиций демократию, её институты и практики считают инструментальными ценностями – обуславливающим, вспомогательным благом.

Господство в МС-дискурсе и социологии М. Вебера

По причине фактической канонизации социологии господства Макса Вебера невозможно избежать темы «позиционирования» взгляда на господство в МС-дискурсе по отношению к соотносительным категориям понимающей социологии. Такое сопоставление на первый взгляд весьма демонстративно.

Согласно Веберу, тот или иной тип господства легитимирует власть и структурирует общество, является основой всех видов социальных действий. В МС-дискурсе господство трактуется как безусловно нелегитимная форма власти и социальная патология. Далее Вебер не делает нормативного (и нередко даже семантического) различия между властью и господством. МС-дискурс, напротив, сосредоточен на их нормативном и концептуальном различии.

Приведенное сравнение может ввести в заблуждение кажущейся ясностью, если «забыть» о несоразмерности сопоставляемых исследовательских горизонтов понимающей социологии М. Вебера и МС-дискурса. Общепризнанное достоинство последнего состоит в том, что С. Льюкс называет «операционностью», то есть полезностью в эмпирическом отношении, поскольку позволяет формулировать гипотезы, которые в принципе поддаются верификации [Льюкс 2010: V].

Что побуждает людей согласиться на власть господства и подчиниться ей? Как объяснить согласие «большого числа» на повиновение, когда и если власть предрержащие («малое число») не прибегают к явному и /или постоянному насилию? Эти вопросы обращены, по мнению Вебера, к подлинным проблемам социологической теории. Они образуют «нервное сплетение» и социологии господства М. Вебера, и МС-дискурса. Помогает понять особенности видения господства в МС-дискурсе и социологии М. Вебера то, как их «нервные волокна» обеспечивают «подачу сигналов».

Согласимся с теми исследователями, которые признают концепцию господства М. Вебера «котрапунктом и организующим началом его интерпретативной социологии» [Ожиганов 2020: 5].

Вебер считает господство «одним из важнейших элементов действия общности..., именно господство и способ его реализации есть то, что рождает из аморфного действия общности рациональное обобществление» [Вебер 2019: 17].

Указание на господство как основу всех видов социальных действий делает этот концепт «точкой схода» всех тематических разделов «Хозяйства и общества» и связанных с ними категорий понимающей социологии. С этих позиций читается веберовский критерий различения власти и господства – вероятность подчинения приказу.

Вебер определяет власть (*Macht*) как «люб[ую] вероятность реализации своей воли в данном социальном отношении даже вопреки сопротивлению, на чем бы эта вероятность ни основывалась» [Вебер 2016: 109]. Но, согласно автору, это определение социологически аморфно, ибо «любые человеческие качества и любые сочетания обстоятельств могут помочь человеку реализовать свою волю в имеющейся ситуации» [Вебер 2016: 109]. Более точным социологическим понятием Вебер называет «господство» (*Herrschaft*) и определяет его как «вероятность того, что определённые люди повинуются приказу определённого содержания» [Вебер 2016: 109]. В такой логике власть предшествует господству; господство – частный случай власти [Вебер 2019: 17].

Вебер не допускает разночтений в определении господства: оно «тождественно авторитарной власти приказа», «...к сожалению, единственно удовлетворяющий нас объем понятия обнаруживается только в связи с правом отдачи приказа», «...как если бы подчиняющиеся сделали содержание приказа (просто в силу его наличия) максимой собственного действия (подчинение)» [Вебер 2019: 22, 23].

Что делает содержание приказа максимой действия подчинённого, условием его согласия на повиновение? Вера в легитимность господства, утверждает М. Вебер. «Каждому подлинному отношению господства свойственен определённый минимум желания подчиниться, а следовательно, внешней или внутренней заинтересованности в подчинении» [Вебер 2016: 252]. Господство всегда стремится к самооправданию – это важнейшая посылка М. Вебера. Господство «стремится пробудить и укрепить веру в собственную легитимность» [Вебер 2019: 252], ибо эта вера является неременным условием согласия на повиновение господству.

Справедливо суждение, что социологическое содержание легитимности в теории господства Вебера помогает понять его теория рациональности. Вебер не склонен определять и исследовать тот или иной тип человеческой деятельности как «рациональный» или «иррациональный». Вопросы, которые ставит объясняющая социология М. Вебера, не в том, рационально ли то или иное действие, легитимен ли тот или иной порядок. Вебера интересует, *какова* рациональность того или иного действия, *какова* основа легитимности того или иного порядка [Szelenyi 2015]. Виды господства Вебер определяет по типичным для них способам притязания на легитимность: легально-рациональный, традиционный, харизматический и их подпиты. В чистом виде они не проявляются. Поэтому критерием классификации господства является не его идеальные типы, а то «что его притязание на легитимность – в достаточной степени и в соответствии с её типом – значимо, что оно укрепляет структуру и помогает выбрать нужный тип средств господства» [Вебер 2019: 254].

Процитированный выше И. Селеньи верно подметил, что в логике М. Вебера, нелегитимный порядок представляет собой скорее исключение или предельный случай. В такой ситуации отдающий приказ субъект власти может рассчитывать на повиновение только при условии применения силы власти (*Macht*), так как он потерял ресурс господства (*Herrschaft*), который обес-

печивал добровольное подчинение приказу. Этот ресурс — вера в легитимность господства. В таких случаях власть (*Macht*) обычно проявляется в форме массового, систематического и фактического принуждения. В понимании М. Вебера, власть, которая более не может опираться на основы легитимации неважно какого типа господства, имеет много общего с контргегемонией в терминах А. Грамши [Szelenyi 2015].

Как читается концепция власти не-господства МС-дискурса в терминах М. Вебера

В лексике интерпретирующей социологии М. Вебера «типовую» концепцию власти не-господства (*power as non-domination*) можно описать как двудерную, то есть опирающуюся на два обозначенных мэтром типа легитимации власти: легально-рациональный и воля управляемых.

Основные критерии легально-рационального типа господства М. Вебера и власти не-господства в МСД, во-первых, в целом совпадают и, во-вторых, диаметрально противоположны в части правила словоупотребления. То, что Вебер определяет как легально-рациональный тип господства, называют условием не-господства (*non-domination*)² в концепциях МСД. В обоих случаях речь идёт о признании «зафиксированных в формальных актах порядков и прав распоряжения» [Вебер 2016: 254], о безусловной и неселективной подчинённости любого члена политики обезличенной системе установленных рациональных правил. Ниже это положение подробнее рассмотрено на примере неороманской концепции господства как произвольной власти.

Что можно сказать о «наследственной информации» второго ядра концепции? Воля управляемых (*Willen der Beherrschten*) – способ притязания на легитимность, который Вебер упомянул лишь однажды и вскользь в лекции, прочитанной в Социологическом обществе в Вене в 1917 году. В отчёте о ней журналист сообщает: «В заключение он перешел к показу того, как современное развитие западного государства постепенно ведет к формированию четвертого типа идеи легитимности – такого господства, которое, по крайней мере официально, выводит свою легитимность из воли тех, над кем оно господствует» [Вебер 2019: 415–417].

Вебер, известный своей приверженностью «правлению малых чисел», оставил неразработанным этот тип легитимации власти. Напротив, в концепциях МС-дискурса значение ядра «Воля управляемых» сложно переоценить. Это центр притяжения его рассмотренных ниже концептуальных построений для исследования господства как нелегитимной власти: произвольная власть (*arbitrary power*), свобода не-господства (*freedom as non-domination*), внешний контроль (*alien control*).

Неороманская концепция господства как произвольной власти

Неоклассическая республиканская концепция господства как произвольной власти (*domination as arbitrary power – далее DAP*) – признанный триггер МС-дискурса.

Концепцию господства как произвольной власти в первую очередь связывают с именем Ф. Петтита – одного из самых известных и цитируемых теоретиков неоклассического республиканизма. Это открытая концепция. Вклад в концептуализацию господства как власти

²Перевод термина «*non-domination*» как «не-доминирование» получил широкое распространение после издания на русском языке хрестоматийной работы Филипа Петтита «Республиканизм. Теория свободы и государственного правления» в блестящем переводе А. Яковлева. Однако мы считаем, что «не-господство» более точно передаёт коннотацию.

произвола и антипода власти-*empowerment* вносят и приверженцы *DAP* (выделим предметные поля не только республиканизма, но и теории обмена, теории эмансипации, феминистского дискурса), и её критики.

Ф. Петтит обозначил три признака власти в форме господства А над Б: (1) способность А вмешиваться (2) на основе произвола (3) в имеющиеся у Б решения (набор опций) [Петтит 2016]. Ф. Ловетт, автор высоко оцененной работы по республиканской теории господства, добавил ещё одно условие – зависимость. А и Б находятся в отношениях зависимости в форме господства в той степени, в которой Б считает цену своего выхода из этих отношений (субъективно и / или объективно) неприемлемой [Lovett 2010]. Это условие получило широкую поддержку в МС-дискуре и закрепилось в *DAP*.

Рассмотрим самые важные «штрихи к портрету» *DAP*.

Легально-рациональный тип легитимации власти М. Вебера и власти не-господства в неороманской концепции

Легально-рациональный тип легитимации власти М. Вебера и власть не-господства в неороманской концепции имеют общую максиму: неукоснительное и неселективное подчинение всех членов политики безличному порядку установленных и известных правил.

Вебер следующим образом определяет основы легитимации власти (и порядка) легально-рациональным типом господства.

1. Это власть безличного порядка (*impersonal order*), а не лиц.
2. Власть предрешающие (*person in authority*), «вышестоящие» (*superior*) подчиняются безличному порядку.
3. Подчинение человека власти (*authority*) означает, что он подчиняется закону и только закону.
4. Члены сообщества (*members*) обязаны повиноваться безличному порядку, а не вышестоящему (*superior*) как индивиду [Weber 1978: 127–128].

Характер власти и порядка прогнозируемые. Они позволяют членам сообщества рассчитывать издержки и выгоды своих действий в рамках общеизвестных правил, которые ни один член общества не может изменить по своему усмотрению и/или систематически безнаказанно их игнорировать.

В неороманской концепции власть произвольна, когда её субъект вырывается из «клетки» закона (выражение Ф. Петтита). Не повинаясь установленному безличному порядку, он «может избегать санкций закона или обходиться с ним, как захочется» [Вироли 2014]. Не встречая системного ограничения со стороны институционального порядка, власть лиц попирает власть закона, подминает и в пределе замещает его.

Сходство между легально-рациональным типом господства М. Вебера и неороманской трактовкой власти не-господства – не «конечная остановка», а преддверие философских и исторических пластов республиканского понимания *свободы как не-господства* (*freedom as non-domination*).

Концепция свободы как не-господства – смысловое сосредоточение концепции господства как произвольной власти

Концепция свободы как не-господства отсылает к *fundamentum* политической философии романской ветви республиканизма, в которой состояние свободы (*liber*) приравнивается к статусу свободного человека и гражданина (*civis*). Диспозиция «*liber = civis*» противопоставляется состоянию несвободы, положению раба (*servus*). Неороманцы поддерживают

и развивают эту традицию, отмечая, что «состояние свободы эксплицируется как положение того, кто, в отличие от раба, не подлежит произвольной власти другого» [Pettit 2008].

Согласно неоклассикам, концепция свободы не-господства стоит над классической дихотомией И. Берлина «позитивная свобода – негативная свобода» [Берлин 2001]. Это особый третий подход к её пониманию:

Рассмотрим соотношение основных положений республиканской концепции свободы как не-господства и концепции свободы в трактовке И. Берлина.

И. Берлин рассматривает только два, но, по его мнению, центральных значения свободы, обращаясь к многовековой истории «войн[ы], которую ведут между собой две системы идей, дающих различные, несовместимые ответы на то, что издавна стало центральным вопросом политики, – на вопрос о подчинении и принуждении. "Почему я (или кто-то другой) должен кому-то подчиняться?"» [Берлин 2001: 47]. Заставить человека подчиниться – значит лишить его свободы, рассуждает Берлин. Свободы от чего? «Велико ли пространство, в рамках которого человек или группа людей может делать что угодно или быть таким, каким хочет быть?» – задаёт вопросы автор и проводит ёмкий анализ ответов из сокровищницы политической философии, обращаясь к работам Гоббса, Гегеля, Гельвеция, Локка, Милля, Джефферсона, Константа и др.

В дискурсе *DAP* привычно оставляют за скобками пласты проведённого Берлином анализа. Для сопоставления свободы как не-господства и негативной свободы чаще всего приводят следующие определения последней: «Обычно можно сказать, что я свободен в той степени, в какой ни один человек или никакие люди не вмешиваются в то, что я делаю... Чем шире область невмешательства, тем шире моя свобода» [Берлин 2001: 47, 127].

В литературе *DAP* особо выделяют три отличия между негативной свободой и свободой как не-господством.

Первое. Концепция свободы как не-господства радикальнее концепции негативной свободы и предполагает более ёмкую концепцию демократии. Антоним негативной свободы – вмешательство (*interference*), антоним (нео)республиканской свободы – господство (*domination*). Суть отличия раскрывает отмеченный выше канонический пример господства в романской ветви республиканизма – отношения господина и раба. Когда и если господин (руководствуясь любыми соображениями) не вмешивается в жизнь раба, то в критериях негативной свободы этот раб пользуется свободой, а в критериях концепции свободы от господства он все равно остаётся несвободным, ибо зависим от воли другого.

Напомним, что в научном дискурсе власти остаётся открытым вопрос, определять её как актуальную способность получить то, что мы хотим или как способность *per se* получить то, что мы можем захотеть в принципе. В *DAP* эта тема теряет свою дискуссионную остроту. Под господством большинство авторов понимают саму возможность ограничить на произвольной основе волю другого.

Второе. Согласно И. Берлину, «свобода не связана, во всяком случае – логически, с демократией или самоуправлением» [Берлин 2001: 50]. В отличие от негативной свободы, которая мало «страдает» от политического эскапизма, свобода как не-господство создаётся и защищается политически. Это – благо общественное (*social*), общее (*common*) и эгалитарное. Его созидают, поддерживают и продвигают граждане, ориентированные на республиканский «общий мир». Под последним понимается intersубъективное признание разделяемых общих норм и практик самоуправления граждан, которые испытывают общую озабоченность по поводу их общей судьбы и общей уязвимости [Петтит 2016: 225].

Третье. В дискуссиях либералов о вмешательстве закона в область человеческой свободы, неороманцы занимают твёрдую позицию: законы не сужают свободу и являются её гарантом. Но при соблюдении определённых условий. Законы должны «созда[вать] свободу, разделяемую

всеми гражданами» [Петтит 2016:83]. Для этого институциональная среда должна поддерживать отмеченные ещё Макиавелли возможности для производства «укрепляющих общественную свободу» законов. Это участие граждан в обсуждении законов, возможность оспорить их и добиться нужных законов, контролировать их соблюдение. «Все законы, принимавшиеся во имя свободы, порождались разногласиями между народом и грандами», «...естественно, что когда охрана свободы вверена народу, он печётся о ней больше и, не имея возможности сам узурпировать свободу, не позволяет этого и другим», – рассуждает Великий Флорентинец [Макиавелли б/г: 12].

**Республиканские позитивные смыслы свободы:
*vivere libero u vita activa***

Понимание свободы как не-господства не конфликтует с трактовкой позитивной свободы И. Берлина: «"позитивный" смысл слова "свобода" проистекает из желания быть хозяином самому себе. Я хочу, чтобы моя жизнь и мои решения зависели от меня, а не от каких бы то ни было внешних сил. Я хочу быть орудием действия, а не подчиняться чужой воле. Я хочу быть субъектом, а не объектом; следовать собственным соображениям и сознательным целям, а не делать что-то под воздействием внешних причин» [Берлин 2001: 51]. Споры о *causa finalis* позитивной свободы традиционно ведут представители двух ветвей республиканизма: коммунитаристы и неороманцы. Состязаются идеалы, идеи и принципы *vita activa*, демократии участия и *vivere libero* республиканского Рима, демократии надзора и оспаривания. Гражданские добродетели активного участия в жизни политики противопоставляются доблести «неусыпной бдительности» (лексика Ф. Петтита) – нравственно-волевому качеству личности, готовой защищать свою диспозиционную власть *libero* и *civis*.

Неороманцы наследуют расположенность к контрражоритаризму своей *alma mater*. Ф. Петтит видит «дух популизма» в арендтовской трактовке позитивной свободы, в возведении на пьедестал (само)ценности политического участия. Он убеждён, что легко манипулируемое большинство в несправедливо устроенном современном социуме не в состоянии защитить свободу не-господства и что «партиципаторный идеал неосуществим в современном мире» [Петтит 2016: 155]. Куда важнее институционально обеспеченная возможность гражданина контролировать деятельность власть предержащих и при необходимости оспаривать её.

Согласно неоклассикам, свободу не-господства и политический порядок *vivere libero* обеспечивает и поддерживает в первую очередь устойчивая к манипуляции и коррупции система. Она должна соответствовать минимум трём условиям: верховенство закона, рассредоточенность властей, сопротивляемость закона тирании большинства

Неороманцы не принижают роль обоснованной на делиберации «республики доводов». Но Петтит категоричен. Он почти дословно цитирует Ш. Монтескьё, утверждая, что «приближение к идеалу обеспечивает в первую очередь не широкое согласие людей по общественно значимым вопросам, а институции, которые гарантируют людям возможность оспаривать действия государства... важно обеспечить, чтобы действия власти были не продуктом народной воли, а были способны выдерживать испытание народным оспариванием» [Петтит 2016 : 465].

Место «дирижёра» в «оркестре» неороманских гражданских добродетелей отведено решимости не быть ни рабом, ни господином. Не быть рабом означает соблюдать законы в первую очередь в силу развитого гражданского самосознания; опасение возможных санкций – дополнительный стимул. Не быть господином означает иметь гражданскую доблесть «держаться в узде» себя самого, не позволять себе незаконные и безнравственные действия в рес-

публиканском «общем мире». Обратим внимание на важный тезис неореспубликанцев: применение принципа верховенства права справедливо (то есть не произвольно) в той мере, в какой принимающие закон вынуждены учитывать общегражданские интересы, но только общегражданские интересы тех, кто соблюдает закон [Pettit 2002: 343].

Место первой скрипки в упомянутом оркестре гражданских добродетелей отведено контекстаторной активности, понимаемой как институционально обеспеченное право и возможность гражданина оспаривать принятые решения по общественно значимым вопросам, а также осуществлять контроль за их выполнением.

Господство как произвольная власть и внешний контроль над набором возможностей человека

В концепции *DAR* понятия «произвольная власть» и «внешний контроль» – концептуальные синонимы.

Согласно Ф. Петтиту, автору концепта «внешний контроль», А (субъект власти) осуществляет внешний контроль над Б (объектом власти), когда А контролирует набор возможностей Б, при этом Б не имеет власти над А [Pettit 2008: 106].

Набор возможностей (*opportunity set*) определяют как диапазон целенаправленных действий, которые участник социальных отношений считает доступными актуально и/или в принципе. Набор возможностей включает также варианты выхода (с предполагаемыми выгодами и затратами), которые участник социальных отношений воспринимает как доступные актуально и/или в принципе. Самую полную картину наборов возможностей его членов создает структура социальных отношений [Lovett 2010: 43].

Приведём собирательное определение господства в форме контроля над набором возможностей в МС-дискурсе. Субъект господства имеет (1) структурно и процедурно обеспеченную возможность (2) произвольно ограничивать и /или изменять (как реальные, так и воспринимаемые как реальные) опции объекта господства, (3) навязывать в своих интересах нормы и правила социальных отношений, (4) устанавливать статус участников взаимодействия без учёта интересов объектов господства, (5) ограничивать способность последних обнаруживать своекорыстное воздействие субъекта господства и противиться ему. Так раскручивается «спираль господства», притязание на легитимность которого опирается на формирование (в логическом пределе) рабочего менталитета.

Власть и господство в дискурсе многоликих концепций власти: избавление от концептуального дальтонизма

Господство как возможность управлять набором возможностей – сквозная тема МС-дискурса. Она связана с широким кругом вопросов, касающихся форм и способов (а) согласования конкурирующих интересов членов политики при (б) сохранении и развитии их способности обладать собственной волей, понимаемой в традиции просвещенческой эмансипации. Эта тема входит в топ-лист исследовательской повестки многомерных концепций власти, четырёх поколений критической социологии Франкфуртской школы, феминистского дискурса. Перечень легко продолжить, ибо учение о свободе воли питает корни родового древа всех социально-гуманитарных дисциплин.

Рассмотрим, как в многоликих концепциях власти проблематизируют формирующие МСД вопросы: Каким образом достигается согласие между конфликтующими интересами участников социального взаимодействия? Что суть согласие тех, кто подчиняется принужде-

нию без применения открытого насилия: это деятельное согласие автономного и способного к рефлексии гражданина или покорность подданного?

Каждое новое измерение власти – её второе [Bachrach, Baratz 1962], третье [Льюкс 2010] и четвёртое [Foucault 1979] «лица» – открывает все более скрытые, изощренные и действенные способы принуждения как целенаправленного изменения «генома» согласия: от открытой и поддающейся наблюдению политической конкуренции первого «лица» власти Р. Даля к формированию «совокупности предопределяющих ценностей, мифов, убеждений, ритуалов, установленных институциональных процедур и правил игры, которые систематически и стабильно обеспечивают выгоду определенным индивидам и группам за счёт других» [Bachrach, Baratz 1962 : 952]. Когда оптика исследователей принудила третье измерение власти «открыть личико», выявилась её способность «обеспечивать согласие на господство посредством формирования верований и желаний, посредством наложения внутренних ограничений на цели и интересы человека, так что он испытывает фрустрацию, сталкивается с препятствиями, когда преследует свои цели, или даже не может сформулировать свои интересы [Льюкс 2010:163-164]. Человек соглашается на роль безвластного и воспринимает социальные отношения господства как «естественный» и в пределе желательный порядок вещей. «Вишенка на торте» – формирующее нормализованного человека четвёртое измерение власти М. Фуко.

Представляется, что интенциональность последовательности «лиц» власти раскрывают рассуждения Т. Гоббса о господстве как достижении состояния внутренней подчинённости подвластного. «Право господства над побеждённым даёт не победа, – утверждает философ, – а собственное согласие побеждённого, и его обязательство обусловлено не тем, что он побеждён, т. е. разбит, взят в плен или обращён в бегство, а тем, что он приходит и подчиняется победителю» [Гоббс б/г: 147].

В задачи статьи не входит сколько-либо удовлетворительный обзор (не говоря об анализе) необъятного многопластового дискурса многоликих концепций власти. Мы выделим лишь две взаимосвязанные черты его развития. Это движение, во-первых, от концептуального неразличения формы *власть над* и господства к их дифференциации. Во-вторых, от изучения почти исключительно проявлений формы *власть над* до признания эпистемологической важности «триптиха» форм *власть для* (*power to*), *власть с* (*power with*), *власть над* (*power over*) [Pansardi, Bindi 2021].

Potestas u potencia: власть для, власть с, власть над

Стивен Льюкс, один из главных архитекторов нарратива многоликих концепций власти, справедливо отметил, что изначально все они оперировали пониманием власти в телеологической парадигме *власть над* и могли быть рассмотрены как альтернативные интерпретации и аппликации одного и того же подразумеваемого понятия власти, согласно которому А осуществляет власть над Б, когда А воздействует на Б способом, противоречащим интересам последнего. Такое её понимание приравнивалось к господству и концептуально, и лексически [Льюкс 2010: 82].

В настоящее время большинство теоретиков субстанциональных концепций господства считают эту трактовку необоснованно узкой. Упрочили свои позиции утверждающие, что монохромное видение власти как модуса *власть над*, пренебрежение модусом *власть для* исключают саму возможность развития теории господства и *empowerment* [Stewart 2001, Lovett 2010]. Под влиянием феминистского дискурса в МСД в целом утвердилось двухкомпонентное прочтение *empowerment: agency* и институциональная среда. *Agency* трактуется как «способность индивида определять свои цели и действовать для их достижения» [Kabeer

1999], а также как «способность менять "правила игры"» [Alsop et al. 2006]. Компонента концепта *empowerment* «институциональная среда» исследуется в части её предрасположенности к созданию структуры возможностей, дружественной для реализации *agency*.

К 2000-х годам в концептуальную траекторию дискурса многомерных концепций власти прочно вошли темы соотношения трёх её форм³ – *власть над*, *власть для*, *власть с*. Хотя до согласия в трактовках самих форм, равно как их соотношенности далеко, широкую поддержку получили два положения. Первое. Форму *власть над* правомерно трактовать как подвид формы *власти для*. Второе. Взгляд (в смысле θεωρία) на власть в системе координат *власть для* является необходимой отправной точкой для концептуального, аналитического и политического различения власти и господства.

При самом общем подходе *власть для* определяют как способность к действиям, которые конституируют *agency* [Haugaard 2018]. В феминистском дискурсе понятие *власть для* соотносят с *empowerment* [Allen 1999] и в этом ключе определяют форму *власть с* как способность к коллективному действию [Rawlands 1997].

В дискурсе многоликих концепций власти несколько критически относятся к трактовке власти Ханной Арендт – одного из самых авторитетных теоретиков *власти для* (власти совместного действия – *power in concert*, в терминах автора) и бескомпромиссному протагонисту идеалов *Vita activa*. Согласно Арендт, «единственная материальная, неременная предпосылка создания власти есть сама совместность людей. Лишь в бытии-друг-с-другом... способна возникнуть власть...» [Арендт 2000: 266]. Действуя коллективно, люди осознают свою идентичность, обнаруживают и проявляют свои индивидуальность и субъектность: не «что мы такое, а кто мы такие» [Арендт 2000: 267].

К наиболее спорным относят следующие положения арендовского понимания *власть для*: исчезают конфликтный и санкционный аспекты власти, а вместе с ними и феномены принуждения, эксплуатации, манипуляции; власть оказывается связанной со «способностью», с «возможностью», но не с отношением; исчезает и главный интерес в изучении властных отношений – заинтересованность (как попытка или достижение) в обеспечении согласия людей через преодоление или предотвращение их противодействия власти [Льюкс 2010: 51–54].

С. Льюкс и неореспубликанцы солидарны в том, что смыслы *власть для* и *власть над* точнее передаёт Бенедикт Спиноза, который различает власть как *potentia* и *potestas*. *Potentia* означает власть «существовать и действовать» в трактовке, близкой Х. Арендт. *Potestas* употребляется тогда, когда речь идёт о пребывании во власти другого. Обратим внимание на сходство этого суждения с неороманской трактовкой господства как произвольной власти. Человек испытывает власть в форме господства – бывает чужеправным (*alterius juris*) на языке Спинозы – до тех пор, пока воля другого властна над ним. Напротив, своеправный человек (*sui juris*) может отразить всякое насилие, дабы жить по своему усмотрению [Спиноза 1957, Льюкс 2010: 109].

В русле этой логики *власть над* трактуется как асимметричная власть *potestas*, которая является субпонятием или вариантом понятия власти *potentia*.

³ В статье парадигма/форма/вид власти используются как лексические синонимы без привязки к интересным, но далёким от консенсуса эпистемологическим дебатам, надо ли трактовать *власть для*, *власть с*, *власть над* как разные концепты/концепции/парадигмы власти, либо как контекстуально обусловленные разновидности форм/модусов/вариаций единого смысла власти.

Власть над: история «доктора Джекила» и «мистера Хайда»

До конца прошлого века в дискурсе многоликих концепций власти ставили знак равенства между господством и формой *власть над* в её веберовском понимании: способность А заставить Б сделать то, что в противном случае он не стал бы делать. Позже такая редукция стала считаться необоснованной. Во втором издании своей (ныне хрестоматийной) работы С. Льюкс признает, что ошибался, когда приравнивал *власть над* и господство: «Понятие власти, предлагаемое Вебером, совместимо с широким спектром позитивных властных отношений, с которым и те, над кем господствуют, могут добровольно соглашаться, и которые могут быть благотворны и для одних, и для других» [Льюкс 2010: 161]. Допущение, что *властью над* может оперировать не только антисоциальный «мистер Хайд», но и добронравный «доктор Джекил» потребовало определения критериев дифференциации.

Представляется, что самое успешное и убедительное решение этой задачи в системе координат многомерных концепций власти предложил основатель и главный редактор “*Journal of Political Power*” Марк Хаугард. Он начинает с утверждения, что *власть над* может проявляться в двух формах: нормативно-нежелательной (господства) и нормативно-желательной (эмансипаторной). Затем автор предлагает три основных критерия их аналитического различия. Власть становится нормативно-нежелательной (принимает форму господства), когда она не нацелена на обеспечение институциональных условий для (а) генерализации правил, (б) воспроизводства структур и (в) недопущения использования любого участника социального взаимодействия в качестве инструмента достижения корыстной цели субъекта власти [Хаугард 2019].

Нормативно-желательную власть делает возможным воспроизводство структур в логике теории структуризации Гидденса: структуры одновременно порождают правила и обеспечивают возможность их генерализации. Если использовать лексику Ф. Петтита, генерализация правил и воспроизводство структур – та самая «клетка», которая удерживает склонных к оппортунизму субъектов власти в рамках институционального порядка. Когда условия выполняются, все агенты социального взаимодействия обретают диспозиционную власть, что исключает возможность одной из сторон использовать другую сторону в качестве инструмента для достижения собственных целей и, следовательно, исключает отношения нулевой суммы. Эта логика проецируется на каждое измерение власти. В концепции первого «лица» Р. Даля власть нормативно-желательна когда и если все стороны соблюдают установленные и прозрачные правила демократического состязания. В концепции второго «лица» – когда и если принципы институционального включения и механизмы исключения не являются внешними по отношению к структурам. Условие нормативной желательности третьего «лица» власти – структурное и процедурное непозволение власти предрержащему, во-первых, сдерживать развитие дискурсивного сознания (т. е. способности рационального и критического осмысления габитуса в терминологии П. Бурдьё); во-вторых, своекорыстно формировать его практическое знание (т. е. неререфлексируемое восприятие порядка вещей как должного); в-третьих, воздвигать заслоны между областями дискурсивного и практического знаний и тем самым «замораживать» последнее в своих интересах. Наконец, согласно М. Хаугардту, дисциплинарная вездесущая власть системы-паноптикума М. Фуко функционально способна создавать носителя и эмансипаторных, и подданических ценностей.

Близко к полюсу «господство».***Данные эмпирических исследований о восприятии власти в России***

На протяжении трёх десятилетий коллектив отдела сравнительных политических исследований ИС НИСЦ РАН (далее ОСПИ) исследует процессы политической трансформа-

ции России. Одно из актуальных направлений работ последних лет связано с анализом институциональных оснований политики господства⁴. Приведём некоторые данные панельных обследований⁵, которые показывают, как и насколько глубоко власть в форме господства деформировала социум. Рассмотрим проявления социальной патологии господства в «рентгеновских лучах» обозначенной выше «типовой» двудерной концепции господства.

Как оценивают респонденты состояние политики в критериях первого ядра? В какой степени они воспринимают законы, власть и политику как правовые, чувствуют себя защищенными от власти произвола, доверяют институтам? Ответы большинства респондентов сгруппировались с опасной близости к первому полюсу на шкале «господство-empowerment» (См.: Рис. 1).

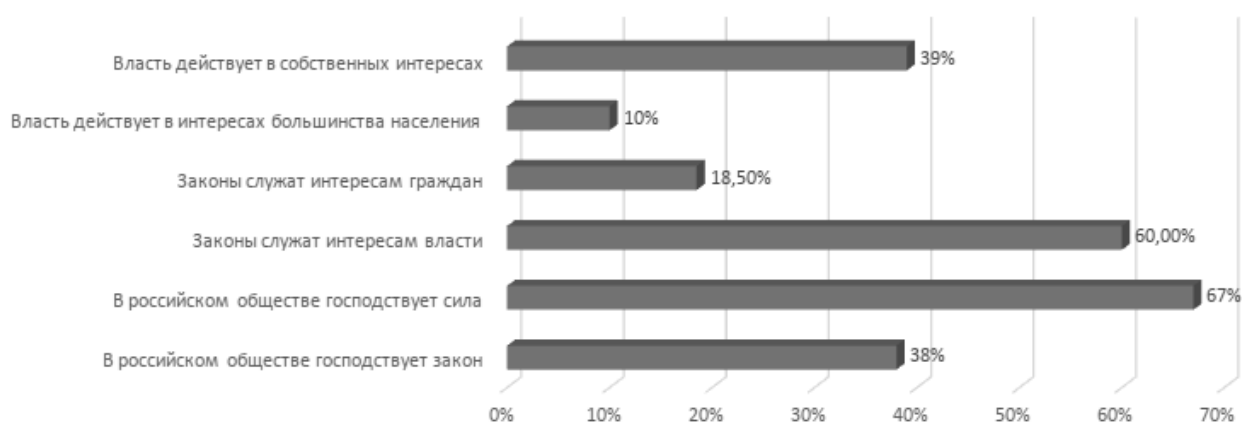

Рис. 1. Ориентированность на господство или empowerment законов, власти и политики современной России в восприятии респондентов

Большинство опрошенных уверены, что закон силы близок к победе над силой закона. Считают, что в российском обществе полностью или значительно господствует сила 67 % респондентов. В силу закона верит почти на 30 процентных пунктов меньше опрошенных (38 %). Ещё более неприглядной эту картину делает оценка респондентами качества законов в части их ориентированности на интересы общего дела. Согласны с тем, что законы служат интересам власти 60 % опрошенных, интересам граждан – 18 %. Лишь 10 % респондентов считают, что современная российская власть действует в интересах большинства населения. В том, что она действует в своих собственных интересах убеждены 39%, остальные затруднились с ответом.

Склонны считать, что власть в России выражает интересы: высших государственных чиновников – 77 %, высших управленцев частных компаний и корпораций – 61 %, крупных собственников 60 %. По мнению респондентов, в наименьшей степени власть выражает интересы студентов и мелких предпринимателей (по 2 %), рабочих (4 %), пенсионеров (7 %), бюджетников (19 %).

⁴ См.: Господство против политики... 2019; Структуры господства... 2020; Недяк 2022; Недяк 2021; Недяк, Павлова, Патрушев, Филиппова 2020.

⁵ Объем выборки, репрезентативных для Российской Федерации в целом и федеральных округов РФ в частности, составил: 2018 г. – N 700, 2019 г. – N 700, 2020 г. – N 1000, 2021 г. – N 1000. Отбор респондентов производился с соблюдением пропорций по численности населения в возрасте 18 лет и старше в федеральных округах, по типам поселений, а также с учётом квот по социально-профессиональным группам. Обследование проводилось во всех федеральных округах, в 21 субъекте РФ. Обработка полученных данных осуществлялась с использованием программы IBM SPSS Statistics. Общий для всех опросов базовый инструментарий позволяет создать единую базу (N 3400) и сопоставить результаты.

Российская политика воспринимается как неправовая. Среди тех респондентов, которые согласны с утверждением, что политика имеет правила игры (а это всего 28 % опрошенных!), лишь 16 % считают, что эти правила выражают интересы граждан; остальные убеждены, что правила политики выражают интересы самих политиков (71 %).

Есть и незначительные просветы. Панельные исследования позволили выявить некоторые – слабые и мерцающие – положительные изменения в восприятии власти респондентами (См.: Рис. 2).

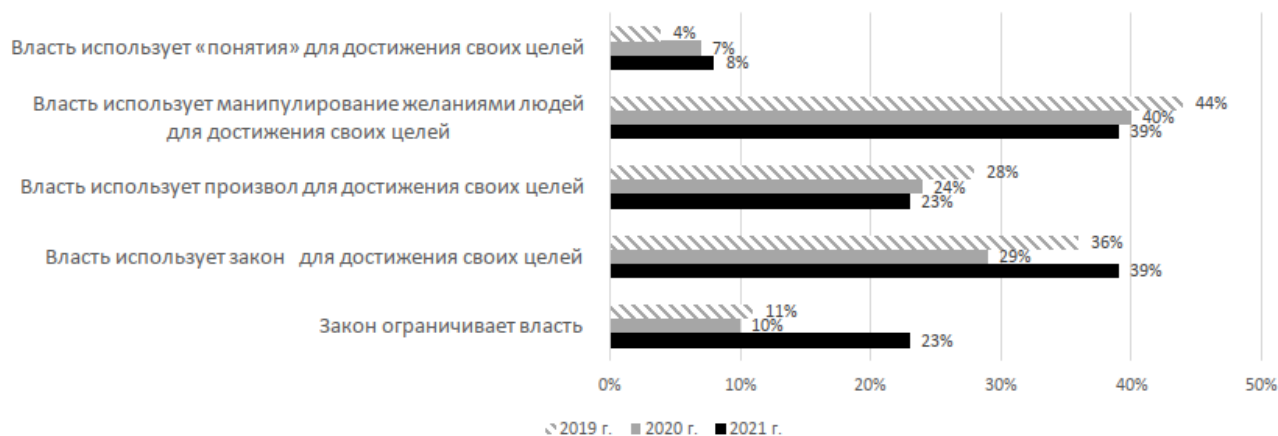

Рис. 2. Восприятие власти респондентами в динамике

В два раза увеличилось число респондентов, согласных с тем, что закон ограничивает власть в России (23 % респондентов в 2021 г., 10 % в 2020 г., 11 % в 2019 г.). Считают, что российская власть для достижения своих целей использует закон 39 % в 2021 г., 29 % в 2020 г. (очевидно, сказалось отношение к пенсионной реформе), 36 % в 2019 г. Незначительно, но все же сократилось число респондентов, полагающих, что власть для достижения своих целей использует произвол (23 % в 2021 г., 24 % в 2020 г., 28 % в 2019 г.) и манипулирование желаниями людей (39 % в 2021 г., 40 % в 2020 г., 44 % в 2019 г.). В то же время в два раза увеличилось число тех, кто считает, что власть в России использует «понятия» для достижения своих целей, хотя доля таких респондентов в общей выборке невелика – 8 % в 2021 г., 7 % в 2020 г., 4 % в 2019 г.

Отрадно данные о повышении эмансипаторных ценностей в социальных установках респондентов. Вдвое увеличилось число респондентов, у которых вызывает несогласие нарушение законов государства (42 % в 2021 г. и 20 % в 2019 г.). Можно с осторожностью предположить усиление у респондентов чувства сопричастности. Заявили, что у них не вызывает несогласия нарушение норм и правил общежития в том случае, пока эти нарушения не затрагивают самого респондента, 11 % опрошенных в 2021 г. и в два с небольшим раза больше в 2019 г. (23 %).

Обратимся ко второму ядру «типовой» концепции господства – воля управляемых. Как оценивают респонденты институциональный порядок современной России в части его ориентированности на развитие субъектности членов политики, их гражданской компетентности, способности и готовности к совместной деятельности с целью осознания и защиты своих и общественных интересов? Данные опроса в домене второго ядра мало оптимистичны (См.: Рис. 3).

Рис. 3. Оценка респондентами защищенности важных для *empowerment* прав человека в динамике

С тем, что в российском обществе полностью или значительно господствуют права человека согласны менее четверти респондентов (23 % в 2021 г.). В целом, обследование зафиксировало снижение оценок респондентами защищенности важнейших для *empowerment* прав граждан.

Больше чем в два раза сократилось число тех, кто считает полностью или хорошо защищёнными свои права избирать представителей в органы власти (21 % респондентов в 2021 г., 38 % – в 2020 г., 48 % в 2019 г.) и право контролировать власть – 7 % в 2021 г., 17 % – в 2020 г., 13 % в 2019 г. И без того невысокое мнение респондентов о своей возможности контролировать власть уменьшилось наполовину и больше. Считали это право полностью и хорошо защищённым 13 % респондентов в 2019 г., 17 % – в 2020 г., 7 % в 2021 г. С половины до одной трети сократилось число респондентов, уверенных в отличной и хорошей защищенности своих прав на получение информации: 50 % в 2019 г., 43 % в 2020 г., 32 % в 2021 г. Схожее положение дел с правом собраний, митингов, демонстраций, пикетов. Число респондентов, которые считают, что это право защищено полностью или хорошо, сократилось более чем в два раза: 30 % – в 2019 г., 23 % – в 2020 г., 12,5 % в 2021 г.

Данные обследования позволяют утверждать о подавлении или обращении вспять процессов *empowerment* на всех трёх уровнях – внутриличностном, интерактивном, поведенческом [Недяк 2021, Недяк 2022]. 70 % респондентов уверены, правительство вряд ли интересуется, что думают о нем такие люди, как они (данные 2021 г.). Сокращается уровень межличностного доверия – чуткий барометр ценностей эмансипации и *empowerment* в обществе. Считали обоснованным мнение, что людям можно доверять 24 % респондентов в 2021 г., 36 % – в 2020 г., 27% – в 2019 г. Усиливается отчуждённость. Ответили, что готовы проводить часть своего времени, помогая другим 42 % респондентов в 2021 г. против 55 % в 2019 г. Снижаются предрасположенность и готовность граждан к совместным действиям. Выразили согласие с утверждением, что граждане способны сами организовать для решения важных для них задач 38 % респондентов в 2021 г., 40 % – в 2020 г., 47 % – в 2019 г.

Обнаружены некоторые признаки контрдвижения. Немного увеличилась и стабилизировалась доля респондентов, считающих, что участие граждан в политике помогает принятию властью результативных решений. Так считают 49% опрошенных в 2021 и 2020 гг. и 44 % – в 2019 г.

Хотя и в пределах статистической погрешности, но сокращается доля респондентов, согласных с утверждением «Нет смысла голосовать, все решают без нас» – 24 % в 2021 г., 29 % в 2020 г., 26 % – в 2019 г. Усиливается (пока слабая) уверенность в том, что власть в России ограничивают: протест граждан (30 % в 2021 г., по 17 % в 2020 г. и 2019 г.), СМИ (15 %

в 2021 г и 7 % в 2020 г.), оппозиция, оппозиционные партии (18 % в 2021 г. и по 14 % в 2020 г. и 2019 г.), общественное мнение (17 % в 2021 г., 11 % в 2020 г., 15 % в 2019 г.).

Вместо заключения отметим, что исследования ОСПИ доказывают продуктивность применения оптики МС-дискурса для изучения российского случая социальной патологии господства. Коллектив приглашает коллег присоединиться к обсуждению предметной и методологической площадок изучения ресурсов и ингибиторов власти господства, к выявлению оснований возможных стратегий «интервенции» ценностей и практик *empowerment* в сфере отношений господства.

Арендт Х. 2000. *Vita activa, или о деятельной жизни* / пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. – СПб.: Алетейя. – 437 с.

Берлин И. 2001. *Философия свободы. Европа*. – М.: Новое литературное обозрение. – 448 с.

Вебер М. 2019. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*. Т. IV: Господство. – М.: ИД ВШЭ. – 542 с.

Вебер М. 2016. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*. Т. I: Социология. – М.: ИД ВШЭ. – 439 с.

Вироли М. 2014. *Свобода слуг*. – М.: ИД ВШЭ. – 150 с.

Гоббс Т. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. Глава XIV: О первом и втором естественных законах и о договорах. – Доступно: http://www.lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt_with-big-pictures.html#29. – Проверено: 23.03.2022.

Господство против политики... 2019. *Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений*. / Отв. ред. Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. – М.: Политическая энциклопедия. – 319 с.

Льюкс С. 2010. *Власть: Радикальный взгляд* [Текст] / пер. с англ. А.И. Кырлежева; Гос. ун-т Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики. – 240 с.

Макиавелли Н. *Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Глава IV О том, что раздоры между плебсом и сенатом сделали Римскую республику свободной и могущественной*. – Доступно: <http://www.civisbook.ru/>. – Проверено: 19.03.2022.

Недяк И.Л. 2021. Власть и господство в проекции коллективного воображаемого. Факторы (де)формирования политического пространства России. – *Общественные науки и современность*. – № 3. – С. 30–45.

Недяк И.Л. 2022. Концептуализация власти в современном научном дискурсе господства. – *Полис. Политические исследования*. – № 1. – С. 136–149.

Недяк И.Л., Павлова Т.В., Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. 2020. Политическое поле и зона власти: версии идеального типа и опыт эмпирической верификации. – *Социологические исследования*. – № 1. – С. 42–53.

Ожиганов Э.Н. 2020. *Макс Вебер: инвариантность господства*. – М.: ИНФРА-М. – 179 с.

Петтит Ф. 2016. *Республиканизм. Теория свободы и государственного правления*. – М.: Изд-во Института Гайдара. – 488 с.

Спиноза Б. 1957. *Избранные произведения в 2-х т.* Т. 2. – М.: Политиздат. – 729 с.

Структуры господства... 2020. *Структуры господства, граждане и институты*. / Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия. – 318 с.

- Хаугаард М. 2019. Переосмысление четырех измерений власти: доминирование и расширение возможностей. – *Политическая наука*. – № 3. – С. 30–62.
- Йейтс У.Б. *Второе пришествие*. – Доступно: <https://sentjao.livejournal.com/80178.html>. – Проверено: 22.03.2022.
- Allen A. 1999. *The power of feminist theory: domination, resistance, solidarity*. – Boulder, CO: Westview Press. – 160 p.
- Alsop R., Bertelsen M., Holland J. 2006. Empowerment in Practice. From Analysis to Implementation. – *World Bank Publications – Books*. The World Bank Group. – Available at: <https://elibrary.worldbank.org/doi/abs/10.1596/978-0-8213-6450-5>. – Accessed: 19.03.2022.
- Bachrach P., Baratz M. 1962. Two Faces of Power. – *American Political Science Review*. – № 56. – P. 947–952.
- Foucault M. 1979. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. – N. Y.: Vintage. – 333 p.
- Haugaard M. 2018. Justification and the four dimensions of power. – *Journal of Political Power*. – № 11 (1). P. 93–114.
- Kabeer N. 1999. Resources, agency, and achievements: Reflections on the measurement of women's empowerment. – *Development and Change*. – № 30. – 435–464 pp. – P. 438. – Available at: <http://weehub.ku.ac.ke/wp-content/uploads/2021/06/Naila-Kabeer-Empowerment.pdf>. – Accessed: 22.03.2022.
- Lovett F. 2010. *A general theory of domination and justice*. – Oxford: Oxford Univ. Press. – 273 p.
- Pansardi P., Bindi M. 2021. The New Concepts of Power? Power-over, Power-to and Power-with. – *Journal of Political Power*. – Vol. 14 (1). – P. 51–71.
- Pettit Ph. 2008. Republican liberty: three axioms, four theorems. – *Republicanism and political theory*. C. Laborde, J. Maynor (eds.). – Oxford: Blackwell. – 297 p.
- Rawlands J. 1997. *Questioning empowerment. Working women in Honduras*. – Oxfam, Humatities Press International. Dublin. – 208 p.
- Szelenyi I. 2015. Weber's theory of domination and post-communist capitalisms. – Available: https://www.researchgate.net/publication/286488823_Weber's_theory_of_domination_and_post-communist_capitalisms. – Accessed: 25.03.2022.
- Stewart A. 2001. *Theories of power and domination. The politics of empowerment in Late Modernity*. – Sage Publications. L., N. Deli: Thousand Oaks. – 270 p.
- Weber M. 1978. *Economy and Society. An outline of interpretive sociology*. – Ed. by Guenther R., Ckus W. University of California Press. Berleley Los Angeles. London. – 1469 p.